

Лу Ли с удивлением посмотрел на него.

Чжоу Цзыи сказал:

— Ты не веришь? В старшей школе я был очень красив, я был самым симпатичным парнем в классе!

Лу Ли ответил:

— Ты тогда уже занимался боевыми искусствами? Он бы не осмелился.

— Если бы он осмелился, разве стал бы дожидаться, пока я опьянею? — Чжоу Цзыи фыркнул и обратился к Лу Ли. — Просто сохраняй с ним видимость вежливости. Мы снимаем фильм, и нам предстоит провести вместе несколько месяцев. Если он попытается сделать что-то неподобающее, просто скажи мне. Я не буду на камеру, но за кадром я его...

— Нет-нет-нет, не надо никого бить, — остановил его Лу Ли. — Я вижу, как он осторожно подходит к нам, чтобы поговорить. Думаю, он хочет помириться с тобой. И к тому же, Гун Ифэн повёл его и Фу Циньшу в гей-бар? Учитывая, как Фу Циньшу притворяется слабым, когда его бьют, если бы Гун Ифэн действительно задумал что-то против тебя, Фу Циньшу бы его сначала разобрал.

— Это не может быть примирением, — сказал Чжоу Цзыи. — Если бы я тогда не очнулся, кто знает, что бы он сделал! Просто вспоминаю, и злость берёт.

Лу Ли успокаивал его, пока не наступило время ужина. В этот момент он получил сообщение от Лу Сюэцина.

Увидев уведомление, Лу Ли не хотел открывать его. Если бы он действовал импульсивно, то сразу бы добавил Лу Сюэцина в чёрный список!

Но это был не звонок, а сообщение. Просто прочитать его — ничего страшного.

Он открыл сообщение и прочитал текст:

— Завтра приеду на съёмочную площадку.

— Зачем ему там быть? — пробормотал Лу Ли, хотя знал, что это было указание прадедушки Лу, но он бы предпочёл, чтобы тот вообще не появлялся.

Вечером на съёмочной площадке устроили праздничный ужин. Церемония открытия съёмок включала не только возжжение благовоний и молитвы, но и мастера, читающего сутры, чтобы очистить место от негативной энергии.

Лу Ли слушал буддийские мантры и вдыхал аромат сандала, чувствуя необычайное спокойствие.

Мастер сидел под искусственным светом, читая сутры. Хотя он понимал, что это, скорее всего, просто утешение для души, но всё же чувствовал, что теперь ничего не страшно.

Во время начала съёмок Хун Шисин попросил всех снять красную ткань с камеры. С громким звуком «шурш!» все отшатнулись, увидев, что под камерой висит голова — голова манекена с париком! Хотя при ближайшем рассмотрении было понятно, что это не настоящая голова, но до этого момента все уже успели испугаться.

— Кто это здесь оставил? — громко спросил Хун Шисин.

Чжао Тунчжэнь побледнела от страха, остальные тоже отступили на несколько шагов, и только через некоторое время кто-то подошёл и убрал голову.

— Простите, Хун Дао, я не знаю, кто это сделал.

Хун Шисин махнул рукой:

— Уберите это!

И на этом инцидент был закрыт.

Лу Ли и Чжоу Цзыи подозревали, что это был сам Хун Шисин. Согласно описанию Фу Юньланя, Хун Шисин любит подобные провокации. Однако такая глупая шутка могла только напугать, но не более. Их нервы были крепче.

Вечером, когда пришло время спать.

Лу Ли и Чжоу Цзыи переоделись в пижамы и легли на верхние койки. Нижние были слишком низкими, да и там было много вещей.

Вскоре раздался стук в дверь.

— Кто там? — спросил Чжоу Цзыи.

— Это я! — ответил голос за дверью.

Чжоу Цзыи приподнялся на кровати и нахмурился:

— Это Гун Дин.

— Открывать? — спросил Лу Ли.

Чжоу Цзыи сразу же лёг обратно и громко сказал:

— Мы уже переоделись и легли спать. Мы на верхних койках, не можем спуститься. Если что-то важное, поговорим завтра!

Снаружи снова постучали:

— Я хочу кое-что сказать.

— Поговорим завтра, сегодня я очень устал... Я уже почти засыпаю...

— Чжоу Цзыи намеренно понизил голос, и Лу Ли понял, что он притворяется спящим. Сам он тоже затаил дыхание.

Через некоторое время снаружи тихо сказали:

— Тогда я вас не буду беспокоить.

И действительно, больше стука не было. Видимо, он ушёл.

Лу Ли повернулся в сторону Чжоу Цзыи:

— Что он хотел?

Чжоу Цзыи пожал плечами:

— Не знаю. Но если бы это было действительно важно, он бы всё равно сказал. Прийти так поздно...

Лу Ли согласился. Завтра первый день съёмок, и сегодня лучше не создавать лишних проблем.

Хун Шисин только что раздал сценарии. Вчера камера сняла лишь несколько сцен, и Хун Шисин просто попросил их надеть школьную форму и пройтись поблизости, сняв два кадра, чтобы начать съёмки.

Утром у них пока не было сцен. Сегодня был рабочий день, и большинство дневных сцен перенесли на выходные. Съёмочная группа отправилась снимать повседневную школьную жизнь. А они, тем временем, знакомились с кампусом и учили текст.

Ветер был холодным, вероятно, потому что солнце скрылось за облаками. Они сидели под виноградной беседкой в одном из школьных проходов, согреваясь грелками и термосами.

— У меня так мало реплик, — сказал Лу Ли.

По сюжету Чжао Циншань был мальчиком, который мало говорил, но это не означало, что он был холодным. Он любил Ян Цзинцзин, и она отвечала ему взаимностью. Однако Чжао Циншань был упрямым и хотел хорошо учиться, чтобы добиться успеха, и в старшей школе не собирался заводить романтические отношения.

— Фильм длится всего два часа, реплик не будет много, — сказал Чжоу Цзыи, листая свой сценарий.

Он посмотрел на краткое описание сюжета и начал учить текст.

Лу Ли слегка нахмурился, снова взглянув на персонажа.

Мало говорит, упрямый, искренне любит Ян Цзинцзин, умный отличник... С таким набором характеристик было бы странно, если бы сценарист и режиссёр не использовали его потенциал.

Ма Дэли был убийцей, Ма Дэли был тем, кто тайно любил Ян Цзинцзин. Все события были связаны с ним.

Сценарий фильма отличался от романа, и при чтении нужно было представлять сцены, чтобы понять, что хотят передать сценарист и режиссёр.

Сюжет фильма был очень насыщенным, и было видно, что он будет захватывающим. По порядку сценариев, события разворачиваются после того, как мать Ян Цзинцзин поймала нескольких человек...

Среди пойманных не было Чжао Циншана и Ма Дэли. Возможно, вечером у Лу Ли не будет сцен. А вот у Чжоу Цзыи, возможно, будут, так как он играет Ма Дэли.

Два часа, тонкий сценарий, который можно прочитать за короткое время.

Лу Ли размышлял, есть ли в сюжете какие-то скрытые линии, когда вдруг раздался голос:

— У вас сегодня утром есть сцены?

Они подняли головы и увидели Гун Ифэна.

— Мои сцены тоже вечером, — сказал он, садясь на длинную каменную скамью под виноградной беседкой, прямо напротив них.

Лу Ли и Чжоу Цзыи держали грелки и термосы, а их ассистенты стояли рядом.

— Вы вдвоём сидите вместе, и у вас два ассистента! — сказал Гун Ифэн.

— Ты вчера вечером стучал в дверь? — спросил Чжоу Цзыи.

Гун Ифэн убрал улыбку и сказал:

— Да.

— Зачем ты стучал?

Гун Ифэн взглянул на У Цзина и Цзинь Сяося.

— Мы пойдём за одеждой, кажется, ветер усиливается, — сказал У Цзин.

Цзинь Сяося хотела что-то сказать, но У Цзин дал ей знак, и они ушли, оставив Гун Ифэна одного.

— Ифэн...

— Не называй меня так, — нахмурился Чжоу Цзыи. — Мы не близки!

— Я был неправ тогда, но я был пьян...

— Пьян, значит, не мог контролировать себя, да? — холодно сказал Чжоу Цзыи.

— Я ничего не сделал... Я перепутал...

— Тут он замолчал и посмотрел на Лу Ли.

Гун Ифэн был публичной личностью, актёром, и, конечно, хотел, чтобы о его неприглядных поступках знало как можно меньше людей. Этот Лу Ли...

Лу Ли открыл сценарий, делая вид, что ничего не слышал.

Чжоу Цзыи слегка раздражённо сказал:

— Если тебе больше нечего сказать, уходи. Ты вчера стучал, чтобы сказать это?

Гун Ифэн повернулся и поспешно сказал:

— Нет, нет!

— Тогда говори быстрее.

Гун Ифэн подумал и сказал:

— На самом деле, в тот день... Фу...

Примечание: «Хун Дао» — обращение к режиссёру Хун Шисину.

<http://bllate.org/book/16232/1459645>